

**Владимир
Карташкин:**

**«Михаилу Федотову
удалось повысить статус
Совета, он действует
более самостоятельно и
инициативно»**

Владимир Алексеевич Карташкин (родился в 1934 году в Москве) — юрист, специалист в области конституционного права, международного права, защиты прав человека. Доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР (сектор международного права). Работал в Институте государства и права. С 1969 по 1973 год по направлению МИД СССР работал в Отделе прав человека Организации Объединенных Наций, а с 1979 по 1985 год — специальным консультантом заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам. Читал лекции по международному праву и правам человека. Работал профессором Международного института прав человека в Страсбурге (Франция), Корнельском университете (Нью-Йорк, США), Университете Санта-Клары (Калифорния, США). В 1992 году В.А. Карташкину присвоено звание

Ред. Владимир Алексеевич, вы учились на юридическом в то время, когда вся советская юстиция была под Сталиным и его жрецом Вышинским, а уж о правах человека в их общепринятом понимании и слышать не приходилось...

В.К. То, что в Советской стране не все в порядке с правами человека, я как раз в то время и понял на примере собственных прав. Я интересовался проблематикой международных отношений и поехал из Баку поступать в МГИМО, подготовлен был хорошо. А вот санкетой не все было в порядке. Два родственника — нарком и комбриг — в свое время были репрессированы. Папа — русский, нефтяником работал, но мама «подкачала» — еврейка. В общем, пятерки на экзаменах не

профессора международного права.

С 1996 по 2002 год возглавлял Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации.

В 2003 году основал всероссийский журнал международного права «Юрист-международник — International Lawyer» и до 2008 года был его главным редактором. В 1998 году был избран членом Подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека. В 2008 году после реформирования Подкомиссии стал членом консультативного Комитета Совета ООН по правам человека. Участник многочисленных дипломатических и научных конференций.

Член президиума Российской ассоциации международного права и заместитель главного редактора Российского ежегодника международного права. Автор свыше 300 научных работ: монографий, учебников, статей. Многие его работы изданы в различных странах и переведены на иностранные языки. Ряд учебников и монографий подготовлены им совместно с зарубежными учеными.

В настоящее время является главным научным сотрудником Института государства и права РАН, а также профессором Российского университета дружбы народов.

помогли, в комиссии нашлись «жалостливые» люди, они сказали: «Не тратьте время, все равно не поступите». Один, правда, посоветовал поступать в Институт внешней торговли. При мне очевидный неуч вышел с экзамена с пятеркой: так что права были не у всех равные.

В итоге я со своей анкетой и этот вуз не осилил, ни с чем вернулся в Баку. А через год приехал и поступил на юрфак МГУ, там этот сталинский фильтр был, видимо, слабее. Учился хорошо, мечтал по-прежнему о делах международных. Успешно поступил в аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР, в профильный сектор.

Ред. Вы оканчивали МГУ и учились в аспирантуре в конце пятидесятых — самый разгар хрущевской оттепели. Это как-то чувствовалось?

В.К. В интересующем нас аспекте прав человека — не очень. О них

говорилось, но, во-первых, ограничено, во-вторых, весьма схематично. И это при том, что у нас преподавали специалисты, которые участвовали в разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года и пактов о правах человека 1966 года.

Ред. Видимо, вы с понятием «права человека» лучше познакомились, приблизившись к первоисточнику?

В.К. Да, знакомство началось после защиты диссертации, когда нас, троих советских правоведов, послали в командировку в Страсбург. Там все было внове. Начиная со свободы бытового общения между коллегами из разных стран и завершая уровнем жизни. А по проблематике много дало изучение сравнительного права. Ведь на бумаге у нас и сталинская конституция была самая прогрессивная в мире. Все это вместе заставляло сильно призадуматься, что в нашем царстве далеко не все в порядке.

«Выполнение некоторых статей Закона Российской Федерации “О статусе военнослужащих” Правительством Российской Федерации не регламентировано:

1. Не установлен перечень воинских обязанностей, связанных с тяжелым физическим трудом и повышенной опасностью, за исполнение которых военнослужащим устанавливаются дополнительные льготы (ст. 10, п. 3).

2. Не дана регламентация служебного времени военнослужащих (ст. 11, п. 1).

3. Не определен порядок продажи военнослужащим квартир или индивидуальных жилых домов на льготных условиях (ст. 15, п. 2).

4. Не определены льготные условия продажи членам семей военнослужащих, гражданам, уволенным с военной службы, вынужденно покинувшим опасные для проживания районы (беженцам), квартир или индивидуальных жилых домов (ст. 15, п. 13).

5. Не определены размеры средств, предоставляемых гражданам, уволенным с военной службы, органами местного самоуправления для строительства или приобретения жилья (ст. 15, п. 6).

6. Не создана система профессиональной ориентации на гражданские специальности военнослужащих, готовящихся к увольнению в запас (ст. 19).

7. Не определен порядок выплаты материальной помощи гражданам, уволенным после прохождения военной службы по призыву и принятым на прежнее место работы (ст. 22, п. 5)».

Из Доклада «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996-1997 годах»

Ред. А когда вы работали в ООН, вы себя свободнее чувствовали? Ведь вы же считались не советским, а международным чиновником.

В.К. Формально — да, я четыре года работал в ООН в Отделе прав человека (в Нью-Йорке). Но каждый шаг надо было согласовывать в нашей миссии, а оттуда шел постоянный инструктаж: как можно меньше контактов с иностранцами. Нонсенс. Как я мог с ними не контактировать, если у меня все коллеги были иностранцы?! С ними мы проводили исследования, ездили в командировки. Но лишний раз выпить кофе «сверх программы» не следовало, прийти с женой на совместные мероприятия не всегда разрешалось.

Что касается сути работы, конечно, там разрабатывались документы, многие из которых справедливо критиковали ситуацию с правами

человека в СССР. Но были и реальные «перехлесты», преувеличения. Все-таки дипломаты есть дипломаты, и каждый в меру сил «тянул» в направлении, нужном его стране. И далеко не все сотрудники, в том числе и наши, обладали высокой квалификацией. Среди них были и откровенно «блатные», а также люди в погонах, от которых толку было немного. Так что в ряде случаев я прекрасно понимал, что Советскому Союзу доставалось за дело, а иногда просто смеялся над словесной эквилибристикой международного чиновничества в сложных вопросах. Порою можно было услышать и откровенно циничные высказывания: мол, если бы немцы войну не проиграли, а выиграли, то какой был бы «Нюрнберг» над союзниками?

Потом у меня еще была командировка в ООН в высоком ранге, во время которой я занимался юридическими вопросами. Тут я уже действительно чувствовал себя гораздо свободнее.

«По данным Министерства труда и социального развития Российской Федерации, в 1996-1997 годах число нарушений социально-экономических и трудовых прав граждан значительно увеличилось, участились случаи незаконных увольнений, приняли массовый характер несвоевременная выплата заработной платы и отправление работников в вынужденные неоплачиваемые отпуска, повсеместно произошло ухудшение условий и охраны труда. Во многих негосударственных организациях трудовые отношения вообще не оформляются в установленном законом порядке.

Наиболее серьезные нарушения прав граждан отмечались в области заработной платы, которая на многих предприятиях России выплачивалась несвоевременно или не в полном объеме. Задолженность по оплате труда увеличилась за 1996-1997 годы в 2,6 раза и составляла на 1 сентября 1997 года 54,4 триллиона рублей. Необходимо отметить, что меры, предпринятые президентом и правительством в последние дни 1997 года, в значительной степени уменьшили задолженность по зарплате работникам бюджетной сферы.

Острые проблемы с обеспечением своевременной оплаты труда влекут за собой другие массовые нарушения прав граждан: принудительные переводы работников на неполное рабочее время, отправление в отпуска без сохранения заработной платы или с частичной оплатой, невыплату выходных пособий и окончательного расчета при увольнениях и другие».

Из доклада Комиссии «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996-1997 годах»

Ред. В состав первой Комиссии по правам человека вы не входили. Но о ее работе знали?

В.К. Я все-таки всегда больше тяготел к международным делам, но кое-что знал от моих сослуживцев, с которыми работал в Институте государства и права. О первом председателе — Сергее Ковалёве — я знал, что это несломленный диссидент, очень принципиальный человек. Ему ведь пришлось не только правозащитными делами заниматься, но и демократические процессы вообще продвигать в новой России. Убежден, что в то время на этой должности именно такой человек и был нужен.

Ред. Каким образом получилось, что именно вы, дипломат и ученый, оказались на его месте?

В.К. Сейчас покажется удивительным, но у меня действительно не было карьерных амбиций. Я с удовольствием совмещал работу в Институте, где было свободное академическое расписание, с поездками в США, Францию, читая лекции в разных странах. И вдруг звонок из аппарата Ковалёва, от одного из людей президентской Администрации, который в этом аппарате работал. Он сказал, что знает не только мои труды и публикации, но и практическую международную деятельность, и спросил, как бы я посмотрел на предложение поработать на данном поприще. Я стал его расспрашивать, от кого исходит такое предложение. Он намекнул на Администрацию Президента.

Посоветовавшись с видным юристом и правозащитником Эрнестом Михайловичем Аметистовым, с которым дружил (он в свое время звал меня работать в Конституционный Суд, но я тогда отказался), я подумал: почему бы на этот раз себя не испытать? И, когда позвонил Александр Терентьевич Копылов, работавший в Комиссии по правам человека заместителем Ковалёва, я согласился. Потом я узнал, что кандидатов было несколько, все они были авторитетными правоведами и учеными. Вообще-то, ученые редко попадают в околопрезидентские структуры. Но на этот раз такое назначение состоялось, о чем я узнал, конечно, по телевидению.

Ред. Вы понимали, что непросто быть Титовым после Гагарина?

В.К. Понимал, конечно. Я встретился с Сергеем Адамовичем, побеседовал с ним о моем назначении и предстоящей работе. Он считал, что мне повезло, что мне Борис Николаевич даст «зеленую улицу», однако, как показало дальнейшее развитие событий, ни штат Комиссии, ни ее полномочия не были расширены. А среди правозащитников оценки были разные. Я прекрасно осознавал, что так, как у Ковалёва, негиблого лагерника, у меня не получится. Я другой. Хотя какую-то критику верхов по части прав человека и я себе позволял.

Но отметим другое. При Ковалёве главным вектором деятельности Комиссии было развитие демократических основ в стране (социально-

экономическими проблемами Комиссия занималась, на мой взгляд, в недостаточной степени). Когда я принял назначение в 1996 году, стремительно стала меняться ситуация в национальной экономике: рухнули цены на нефть, а в 1998 году грянул известный дефолт. И я сконцентрировался на социально-экономических правах, писал об этом в программе Комиссии и в своих статьях, неоднократно выступал на телевидении, в том числе и в программе «Герой дня».

В 1998 году отмечалось 50-летие Всеобщей декларации прав человека. Я предложил провести в России год прав человека, наметил план соответствующих мероприятий. Посоветовался с известными правозащитниками, например с Людмилой Михайловной Алексеевой. Они меня зачастую критиковали: хотели, чтобы Комиссия делала больший акцент на гражданских и политических правах. Однако саму идею они одобрили, и с учетом их замечаний был разработан детальный план, с которым я отправился на прием к президенту. Борис Николаевич данное предложение поддержал, сказав, что все эти мероприятия, в том числе и конференции, потребуют определенных расходов, а с деньгами довольно туго. Он предложил воспользоваться западными механизмами финансирования подобных мероприятий, что и было сделано.

Ред. Кстати, ведь и по сей день отечественные бизнесмены никакого желания раскошелиться на правозащитные проекты не проявляют. Как вы думаете, почему?

В.К. Действительно, не стремятся, и это остается серьезной проблемой. Один Потанин, может быть, исключение составляет. А не дают денег потому, что инвестиции в правозащитную сферу непосредственных политических дивидендов не приносят. Но ведь и во властных верхах дело тоже обстояло непросто. Например, я получил приглашение от китайского вице-премьера приехать в КНР, чтобы поделиться опытом, прочитать лекции. Анатолий Чубайс меня спрашивает: «За чей счет?». «За их счет, за счет принимающей стороны», — отвечаю. «Да, но ведь у нас же сейчас идет борьба с коррупцией...». Разрешение я в итоге получил за полчаса до отъезда.

Ред. Что вы можете записать в свой актив на посту председателя Комиссии?

В.К. Как мне кажется, одним из главных позитивных результатов явилось то, что удалось внести в работу Комиссии организующее и упорядочивающее начало. Мы стали собираться регулярно, систематически обсуждая наиболее болевые точки в сфере прав человека. Я несколько раз летал в Чечню, занимался нарушениями прав человека в этой республике. Вынес оттуда твердое убеждение, что войну там развязали незаконно и что нельзя воевать со своим народом. Также летал в Магадан с Эрнстом Неизвестным на открытие памятника жертвам

политических репрессий, выступил там с речью, в которой призвал, чтобы компартия понесла реальную ответственность за свои преступления. Но в целом, несмотря на то что я свою деятельность оцениваю скромно, все-таки считаю, что работа Комиссии принесла осязаемый результат.

«В феврале 1997 года члены Комиссии посетили Следственный изолятор Москвы № 2 (Бутырский). Здесь, почти в центре столицы, содержатся свыше шести тысяч человек, на каждого из них приходится не более 0,8–0,9 кв. метров жилого помещения. В некоторых камерах, где содержится 75 и более человек, имеется менее 40 спальных мест.

Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека Родли, еще в 1994 году посетивший Бутырский изолятор, писал: “Специальному докладчику понадобились бы поэтический талант Данте и художественное мастерство Босха, чтобы точно изобразить адские условия, с которыми он столкнулся в этих камерах. Поскольку подозреваемые лица содержатся там, чтобы ускорить проведение следствия, сломив их волю с целью получения признания и информации, вполне можно считать, что они подвергаются пыткам”.

Комиссия подтверждает, что условия содержания людей, в отношении которых действует презумпция невиновности, и сегодня остаются такими же бесчеловечными и жестокими, унижающими человеческое достоинство.

Подобное положение и в следственных изоляторах городов Екатеринбурга Свердловской области, где на одно спальное место приходится от трех до пяти человек, и Череповца Вологодской области, которые также посетили сотрудники Комиссии. В Череповце изолятор был построен в 1880 году для содержания 350 человек. Сегодня, 118 лет спустя, здесь содержится 566 человек. Здание находится в аварийном состоянии, реальна угроза внезапного обрушения потолков и стен».

Из Доклада «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996-1997 годах»

Ред. А как вы оцениваете общение с первыми лицами государства?

В.К. Таких встреч было очень немного, и наши лидеры очень разные. Борис Николаевич не был многословен, но живо реагировал на все предложения, направленные на совершенствование системы обеспечения и защиты прав человека, а свою реакцию на вопиющие факты нарушения в этой сфере демонстрировал энергичной мимикой. Владимир Владимирович совсем другой, это закрытый человек, и, что он на самом

деле думает по поводу слов собеседника, догадаться сложно. В то же время он проявлял серьезный интерес к обсуждаемым вопросам и проблемам и давал им развернутую и взвешенную оценку.

Ред. Расскажите, пожалуйста, о самых запомнившихся вам эпизодах.

В.К. Расскажу, хотя, возможно, они не самые яркие. Во время визита в Китай нас пригласили посетить женскую тюрьму. Просто образцово-показательное исправительное учреждение, все в сверхопрятном виде. Но я-то сразу раскусил: откровенная показуха! И такая сразу печальная аналогия возникла. Когда на себя смотришь со стороны, все еще более болезненно воспринимаешь.

А вот еще один эпизод. Мы тесно сотрудничали с иностранцами, ведь Россия стала участником многих международных конвенций по правам человека. Повышенное внимание — наряду с другими вопросами — уделялось запрещению пыток. И вот приезжает делегация Евросоюза, желая посетить «Бутырку», а их не пускают, причем на уровне замминистра юстиции. Говорят: «Нам надо подготовиться»...

Статут Международного уголовного суда Комиссия всеми силами отстаивала, призывала к тому, чтобы несли субсидиарную ответственность военачальники, отдавшие преступные приказы. Но Россия этот документ не ратифицировала (кстати, Соединенные Штаты тоже). Добавлю еще, что многие нюансы нам приходилось согласовывать с Государственно-правовым управлением Президента. Сурков тоже нас плотно курировал. Сейчас, насколько я могу судить, Михаилу Федотову удалось повысить статус Совета. Теперь Совет действует более самостоятельно и инициативно. И то, что он — советник президента, конечно, добавляет весомости Совету.

Главное, мы должны приучить все общество выполнять законы. Если мы будем выполнять законы, например, в области собственности, в конце концов это пойдет на пользу не только отдельным гражданам, но и государству в целом. Мы должны соблюдать все законы — как международные, так и национальные. А национальные законы должны строиться на основе международных. Раз уж государство взяло на себя обязательства, оно должно привести национальное законодательство в соответствие с ними. И вот выполнение всего комплекса прав, как гражданских и политических, так и социально-экономических, послужит процветанию нашего государства. И государство должно сделать все возможное, чтобы каждый человек чувствовал, что он защищен государством, что государство придет ему на помощь, если его права будут нарушаться. В противном случае мы не сможем построить ни настоящее правовое государство, ни настоящую демократию, ни то государство, которым каждый российский гражданин будет гордиться.

Ред. При каких обстоятельствах вы ушли с поста председателя Комиссии?

В.К. Дело в том, что до меня стала доходить информация, что на это место претендует другая кандидатура. Сведения становились все более достоверными, а я был внутренне готов, поскольку, честно сказать, уже устал за шесть лет. К тому же у меня было много научной работы. В общем, воспринял это в качестве своеобразного освобождения. Меня вызвал Сурков и поблагодарил за проделанную работу на посту председателя Комиссии. Мне предлагали завидные назначения — и послом, и замминистра юстиции, но я предпочел вернуться в свой Институт. Я просто физически почувствовал: чем позже уйду, тем меньше останется времени на другое, в частности на любимую мною преподавательскую и научную работу.

Ред. Кого вы можете назвать из наиболее деятельных членов вашей команды?

В.К. Активно трудились многие члены Комиссии: мой заместитель, юрист и политолог Вильям Викторович Смирнов; известный адвокат Генри Маркович Резник, который был одним из главных экспертов Комиссии; правозащитник и отставной генерал Никита Андреевич Чалдымов; дипломат Сергей Борисович Крылов и др. Все члены Комиссии работали на общественных началах, и за то, что они делали, им всем большое человеческое спасибо.